

УДК 821.161.1 (Русская литература)

ОДА «НАДЕЖДА» В. И. МАЙКОВА В КОНТЕКСТЕ МАСОНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ XVIII ВЕКА

© 2021 О.А. Метелева

*Метелева Олеся Андреевна, аспирант кафедры
русской и зарубежной литературы и методики обучения.*

E-mail: olesyaste@mail.ru

Вятский государственный университет.
Киров, Россия

Статья поступила в редакцию 20.05.2021

В статье рассматривается отношение В.И. Майкова к философской категории надежды на примере одноименной оды, в которой отразились нравственно-этические искания поэта-масона: вера в абсолютное счастье через надежду на лучшее. Автор выделяет несколько категорий людей. В первую входят люди, надежда которых сопряжена с государством, во вторую – те, кто питает надежду на личное благо. В ходе анализа рассмотрена масонская идеология, которая в России тесно переплетена с христианством, исследовано художественное выражение философской категории надежды в оде В.И. Майкова, выявлена связь этой категории с понятиями счастья и веры. В результате исследования конкретизированы некоторые образы-символы оды, связанные с масонскими взглядами поэта, рассмотрены нравственно-философские мотивы оды и антропологическая сущность категории «надежды» в представлении русских масонов XVIII века.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века, поэты-масоны, масонская символика, философская лирика, духовная ода.
DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-97-101

Введение. В 1778 году В.И. Майков пишет оду «Надежда», появление которой тесно связано с масонскими взглядами поэта. Эта ода обращена к значимой в христианской антропологии, на которую опирались русские масоны, категории «надежды».

Цель масона и предмет его надежд и чаяний – стать со-Творцом, так как Бог создал человека по образу и подобию своему. Именно в ложах через нравоучения человек должен прийти к добродетели и счастью [9, с. 40].

Методы исследования. При анализе использованы культурно-исторический и герменевтический методы литературоведческого исследования.

История вопроса. В христианском учении вера, надежда и любовь идут рука об руку. При этом надежда, как отмечает С.А. Левицкий, понимается ниже, чем Любовь и Вера, и мыслится противоположностью страху [3, с. 238], испытывая который человек приходит к Вере. Вера направлена на Абсолют, а надежда – на частное, индивидуальное благо [3, с. 239]. При этом, как замечает С.А. Левицкий, в каждой надежде есть вера, что личная воля совпадет с волей судьбы, Абсолютом [3, с. 241]. Но «...благосклонность судьбы, удача, удавшаяся жизнь...» – это одно из четырех значений категории счастья, как отмечал В. Татаркевич [8, с. 32]. Таким образом, надежда – основа для веры в достижимость человеком счастья.

Философские категории надежды и счастья неотрывно связаны для масонов с понятием «свобода». Свобода в кругах русских масонов не воспринималась как призыв к революционным действиям. В отличие от западноевропейских стран,

учение масонских лож в России носило глубоко нравственный контекст [7, с. 45]. Русские масоны стремились к «Высшему благу», к Свету, к Творцу через работу над «внутренним человеком». В связи с глубоко религиозной основой русского масонства вопросы, над которыми работали братья-каменщики, тоже имели под собой философско-теософскую основу. Так, свобода с нравственно-философско-теософского ракурса представляет собой свободу человека в выборе. Уже в средневековой философии в трудах Аврелия Августина, Климента Александрийского, Иоанна Дамаскина и др. доминирует мысль о вере человека как свободном устремлении к Богу – источнику Истины и спасения, которые в свою очередь являются благом для человека. Позднее, в период Нового времени, происходит изменение мировоззрения философов в сторону обоснования веры через познание (Д. Локк и Д. Юм). Однако, например, в трудах И. Канта рассматривается моральная вера как высшая. Еще в период средневековья поднимался вопрос о возможности существования Зла в мире, где есть Бог. И почему Бог не искореняет зло. Тогда было принято во внимание, что человек, созданный по подобию Божию, обладает свободой воли и в том числе использует эту свободу воли не во благо [1, с. 10]. Развивая эту мысль, И. Кант говорит о свободе воли как о свободе от какого-либо закона. Потому что если воля подчиняется закону, то она уже не свободна. А значит, воля свободна от нравственных законов, но им подчиняется [2, с. 17]. При этом человек не надеется на получение чего-либо при соблюдении моральных законов, и надежда не является основой морали, но каждый

человек стремится к счастью. Согласно учению И. Канта, только совокупность счастья и морали позволяет человеку достичь «Высшего блага», которое возможно при соединении реального блаженства, не зависящего от нас, с зависящим от нас достоинством быть счастливым. А основанием надежды на это «Высшее благо», к которому стремятся все, согласно И. Канту, является Бог [2, с. 27].

Таким образом, надежда, с одной стороны, – путь к личному счастью, с другой – мостик от личного счастья к «Высшим благам» посредством объединения нравственности (свободной воли) и счастья через веру в Бога, дающего надежду и укрощающего страх.

В.И. Майков, который был масоном и трудился над своей душой, размышлял о счастье и пути к

С тобою мы пути проходим,
Пустыни, дебри и моря,
Тобю страхи попираем,
Тобю бедства презираем! [4, с. 263]

Для людей надежда – «чувств пресветлая заря» [4, с. 263], которая помогает им справиться с любыми трудностями. Неслучайно в начальной строфе оды обращение к символике зари и пути. Эти образы имели особое значение в масонской идеологии, о чем пишет А.Г. Маслова: «...жизнь человека воспринималась масонами как путь, соотносящийся с суточным путем солнца, а утренняя заря являлась символом «просветления, возрождения», символом «начала движения к полдню Солнцу, то есть Богу» [5, с. 98].

Герой и победитель в брани,
Гласимый древле полубог,
Простерти мысль и храбры длани
К победам без тебя б не мог [4, с. 263]

Без надежды, питающей веру в победу, по мнению поэта, герой не стал бы героем и победителем.

Он жизнь свою скончал бы прежде,
Не распротря своих побед,
Но, одолжен своей надежде,
Покрыв трофеями свой след [4, с. 263].

Но победа нужна не только героям на поле брани. Любому человеку, стремящемуся к чему-то и очень желающему чего-то, вне зависимости от его социального статуса необходима вера в то, что он сможет в этом соревновании с жизненными обстоятельствами стать победителем. Поэтому автор

Иные, на концах вселены
Живя, за быстротию рек,
Двора и счастья удаленны,
Не могут их достигнуть век [4, с. 263].

нему через надежду. Эти размышления отразились в творчестве поэта, в частности, в оде «Надежда». Эта ода посвящена надежде как основе для достижения человеком счастья и способе избавления от внутренних страхов, мешающих человеку стать счастливым.

Надежда для поэта – «дар природы милосердой, / Чем мы дышаем и живем, / О друг нам в жизни сей нетвердой...» [4, с. 263].

Поэт считает, что надежда всем людям дана от рождения и сопровождает их всю жизнь: «До самой смерти от рожденья / У нас ты в сердце возжжена» [4, с. 263]. Именно надежда помогает людям в их горестях и бедах, чаяньях и стремлениях:

Композиционно ода распадается на 3 части в соответствии с законами философской оды, где середина посвящена собственно рассматриваемой проблеме, а начало и заключительная часть закольцованы. Рассмотренные выше строки, посвященные прославлению надежды, представляют собой вступление. Основная часть условно делится на два тематических раздела, и в ней рассматриваются четыре категории людей, для кого надежда – опора в жизни.

Первая категория – это люди, которым надо поверить в свою победу.

пишет: «Тыходишь в царские чертоги, / Равно как в хижины убоги» [4, с. 263].

Второй категорией людей, которые обращаются к надежде, автор выделяет бедняков и впавших в немилость.

Примечательно, что для В.И. Майкова счастье и царский двор стоят рядом. Век Просвещения рассматривал человека как часть государства, поэтому в мировоззрении аристократов XVIII века значимым для Отчизны, безусловно, мог стать только

человек, приближенный ко Двору. Те же, кто не смог стать приближенным, надеются на лучшее до последних своих дней:

Но их надежда не покинет,
И их собой она бодрит,
Доколе краткий век их минет,
Всегда им счастье сулит [4, с. 263].

В этих строках поэт отмечает, что счастье наступает после претворения надежды в жизнь. А без надежды люди внутренне были бы мертвы, так как отсутствие стремления к чему-либо для автора подобно смерти:

Без сей же нам приятной жертвы [надежды]
Мы были б прежде смерти мертвы [4, с. 264].

Третья группа людей, которой надежда стала верной спутницей, - старики.

Иные, старостью согбенны,
При дверях гроба уж стоят
И, зря чувств силы погребенны,
Еще жить в свете долго мнят [4, с. 264].

Люди боятся смерти. И надежда на то, что они ещё какое-то время будут жить, выступает в данных строчках как антагонист страху смерти. Люди при этом не просто бесцельно хотят продлить свою жизнь, но собрать богатства:

И, уже смертью в гроб ведомы,
Богатства тешатся собирать,
Садят сады и строят дома,
Как будто им не умирать [4, с. 264].

Примечательно, что богатства для стариков, по мнению поэта, не царские почести и материальные блага. Старики уже послужили государству, отдали свой долг и, находясь на заслуженном отдыхе, собирают другие богатства: строят дома и сажают сады. Образы дома и сада в стихотворении поэта-масона не случайны. Дом – оплот семьи, центр не государственной, общественной жизни, а частной и уединенной. Это место, где человек может найти покой и умиротворение. Кроме того, масоны – зодчие, которые под руководством Великого Архитектора Вселенной (Бога) строят мир как в прямом, так и в переносном смысле. Многие архитектурные памятники XVIII – XIX веков сохранили следы масонской символики. В некоторых домах масонов были потайные подземные ходы в

сады, которые воспринимались как путь из Тьмы к Свету. Сад для масона неразрывно связан с домом и также имеет глубоко символический смысл. О масонских садах написано множество работ. Для братьев сад – это место, где человек может размышлять над вечными вопросами о бытии жизни, ежедневно работать над своей душой [6, с. 86].

Как будто подводя итог размышлению о старых, В.И. Майков пишет: «Доколе смертный не увянет, / Надежда жить в нем не престанет» [4, с. 264].

Следующая группа людей близко связана с предыдущей и тоже обращается к Надежде. Больные люди на смертном одре из последних сил, не теряя надежду, стараются жить.

Иной, болезнью удрученный,
Тягча иссохшим телом одр,
С надеждой дух не разлученный
Еще при самой смерти бодр.
Хоть сердце, яко воск, в нем тает,
И с телом смерть уж дух делит,
Надежда дух еще питает
И скорбно сердце веселит,

И посреди сея надежды
Смыкает смерть ослабши вежды [4, с. 264].

Поэт отмечает, что надежда дает смертельно больному человеку последние минуты «веселья», которое в данных строчках подразумевает радость человека, когда он думает, что сможет справиться с недугом и выздороветь.

Заключительная часть оды так же, как и вступительная, снова восхваляет надежду. Но если в первой части поэт говорит обо всем человечестве, то финальная часть звучит камерно, обращается к вопросам частной жизни обычного человека, поэт просит надежду не покидать его.

О дар прещедрыя природы!
В моем ты сердце обитай
И жизни мне в оставши годы
Из сердца вон не вылетай [4, с. 264].

Именно надежда, как мыслит поэт, делает жизнь людей «любезной», огорчения «сносными», а мучения «не страшными».

Выводы. Ода «Надежда» отразила двойственность взглядов поэта-масона и поэта-человека эпохи Просвещения. Особую роль в выражении этих взглядов играет композиция данной оды. Произведение состоит из трех частей, построено по законам философской оды, где середина посвящена собственно рассматриваемой проблеме, а начало и заключительная часть закольцованы. Центральная часть разделена на два тематических раздела. В первом речь идет об общественном значении надежды, здесь поэт-гражданин отразил надежды, сопряженные с исполнением государственного долга, удовлетворением надежд человека-гражданина, связанных с реализацией потребностей в общественном служении. Автор говорит во вступлении о том, что надежда полезна всем людям, а в основной части надежда сопровождает победителей войн; людей, стремящихся быть полезными Отечеству. Вступление тесно связано с проблематикой первого раздела основной части: поэт отражает надежды и чаяния тех, кто мыслит себя частью России, и старается всеми

возможными способами стать незаменимым для государства. Вторая половина оды обращена к частным проблемам. Во второй половине основной части поэт упоминает стариков и больных людей, желающих счастья для себя, личного блага. Они надеются, что смогут продлить свою жизнь. Заключение же передает чувства самого поэта и его желание всегда в душе иметь надежду. Заключение также носит частный характер, и здесь мы видим одновременно и следование традиции – во вступлении и в заключении прославляется надежда, и отход от нее, так как заключение носит индивидуальный характер, приближено к звучанию псалма, что не характерно торжественной оде. Примечательно, что в оде человек изображен в идеальном представлении как нравственно глубокая личность, он не стремится добиться желаемого нечестным путем. В. И. Майков в оде отразил масонскую мысль, основанную на христианском учении, о том, что какова бы ни была надежда человека – государственная или частная – именно она дает людям возможность верить в счастливое будущее и радоваться ему. Надежда, по мнению автора, путь к счастью и радости через истинную веру и нравственные поступки.

1. Азмурзаева, Ф. И. Проблема соотношения добра и зла в истории философии (средневековье) // Кабардино-балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова. - 2016. - №44. - С. 8-12.
2. Кант, И. Лекции по этике. Пер. с нем./Общ. ред., сост. и вступ. ст. А. А. Гусейнова. - М.: Республика, 2000. - 431 с.
3. Левицкий, С. А. Трагедия свободы. - М.: Канон, 1995. - 512 с.
4. Майков, В. И. Ода «Надежда» // Майков В.И. Избранные произведения. - М.; Л.: Советский писатель, 1966. - С. 263—264.
5. Маслова, А. Г. Поэтика времени и пространства в русской поэзии 1760 – 1780-х годов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. - 212 с.
6. Метелева, О. А. Становление феномена «усадебного текста» русской литературы в поэзии В. И. Майкова и его современников // Вестник Костромского государственного университета. - 2019. - Т 25. - № 4. - С. 83-87.
7. Назарова, Ю. В. Этика русского масонства // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. - Вып. 2. - Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. - С. 44-52.
8. Татаркевич, В. О счастье и совершенстве человека. - М., 1981. - 368 с.
9. Смит, Д. Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII веке/Авторизованный перевод с англ. К. Осповата и Д. Хитрово. - М.: Новое литературное обозрение, 2006. - 224 с.

**ODE "HOPE" BY V. I. MAIKOV
IN THE CONTEXT OF MASONIC ANTHROPOLOGY OF THE XVIII CENTURY**

© 2021 O.A. Meteleva

*Olesya A. Meteleva, Postgraduate student
of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods.*

E-mail: olesyaste@mail.ru

*Vyatka State University.
Kirov, Russia*

The article examines the attitude of V. I. Maikov to the philosophical category of hope on the example of the ode of the same name, which reflects the moral and ethical search of the poet-mason: faith in absolute happiness through hope for the best. The article highlights the categories of people that can be divided into groups. The first group includes people whose hope is connected with the state, and the second group includes those who hope for personal good. The analysis examines the Masonic ideology, which in Russia is closely intertwined with Christianity, examines the artistic expression of the philosophical category of hope in V. I. Maikov's ode, and reveals the connection of this category with the concepts of happiness and faith. As a result of the research, some images-symbols of the ode associated with the Masonic views of the poet are concretized, the moral and philosophical motives of the ode and the anthropological essence of the category of "hope" in the view of the Russian

Key words: Masons of the XVIII century are considered, Russian poetry of the XVIII century, Masonic poets, Masonic symbolism, philosophical lyrics, spiritual ode.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-97-101

1. Atmurzayeva, F. I. Problema sootnosheniya dobra i zla v istorii filosofii (srednevekov'ye) (The problem of the relationship between good and evil in the history of philosophy (Middle Ages)) // Kabardino-balkarskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet im. V.M. Kokova. - 2016. - №44. - S. 8-12.
2. Kant, I. Lektsii po etike (Lectures on ethics). Per. s nem./Obshch. red., sost. i vstup. st. A. A. Guseynova. - M.: Respublika, 2000. - 431 s.
3. Levitskiy, S. A. Tragediya svobody (Tragedy of freedom). - M.: Kanon, 1995. - 512 s.
4. Maykov, V. I. Oda «Nadezhda» (Oda "Hope") // Maykov V.I. Izbrannyye proizvedeniya. - M.; L.: Sovetskiy pisatel', 1966. - S. 263—264.
5. Maslova, A. G. Poetika vremeni i prostranstva v russkoy poezii 1760 – 1780-kh godov (Poetics of time and space in Russian poetry of the 1760s - 1780s.). – Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. - 212 s.
6. Meteleva, O. A. Stanovleniye fenomena «usadbnogo teksta» russkoy literatury v poezii V. I. Maykova i yego sovremennikov (Formation of the phenomenon of the "estate text" of Russian literature in the poetry of V. I. Maikov and his contemporaries) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. - 2019. - T 25. - № 4. - S. 83-87.
7. Nazarova, YU. V. Etika russkogo masonstva (Ethics of Russian Freemasonry) // Izvestiya TulGU. Gumanitarnyye nauki. - Vyp. 2. - Tula: Izd-vo TulGU, 2012. - S. 44-52.
8. Tatarkevich, V. O schast'ye i sovershenstve cheloveka (On the happiness and perfection of man). - M., 1981. - 368 s.
9. Smit, D. Rabota nad dikim kamnem: Maponskiy orden i russkoye obshchestvo v XVIII veke (Working on the Wild Stone: Masonic Order and Russian Society in the 18th Century) / Avtorizovanny perevod s angl. K. Ospovata i D. Khitrovo. - M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2006. - 224 s.